

3-417/50

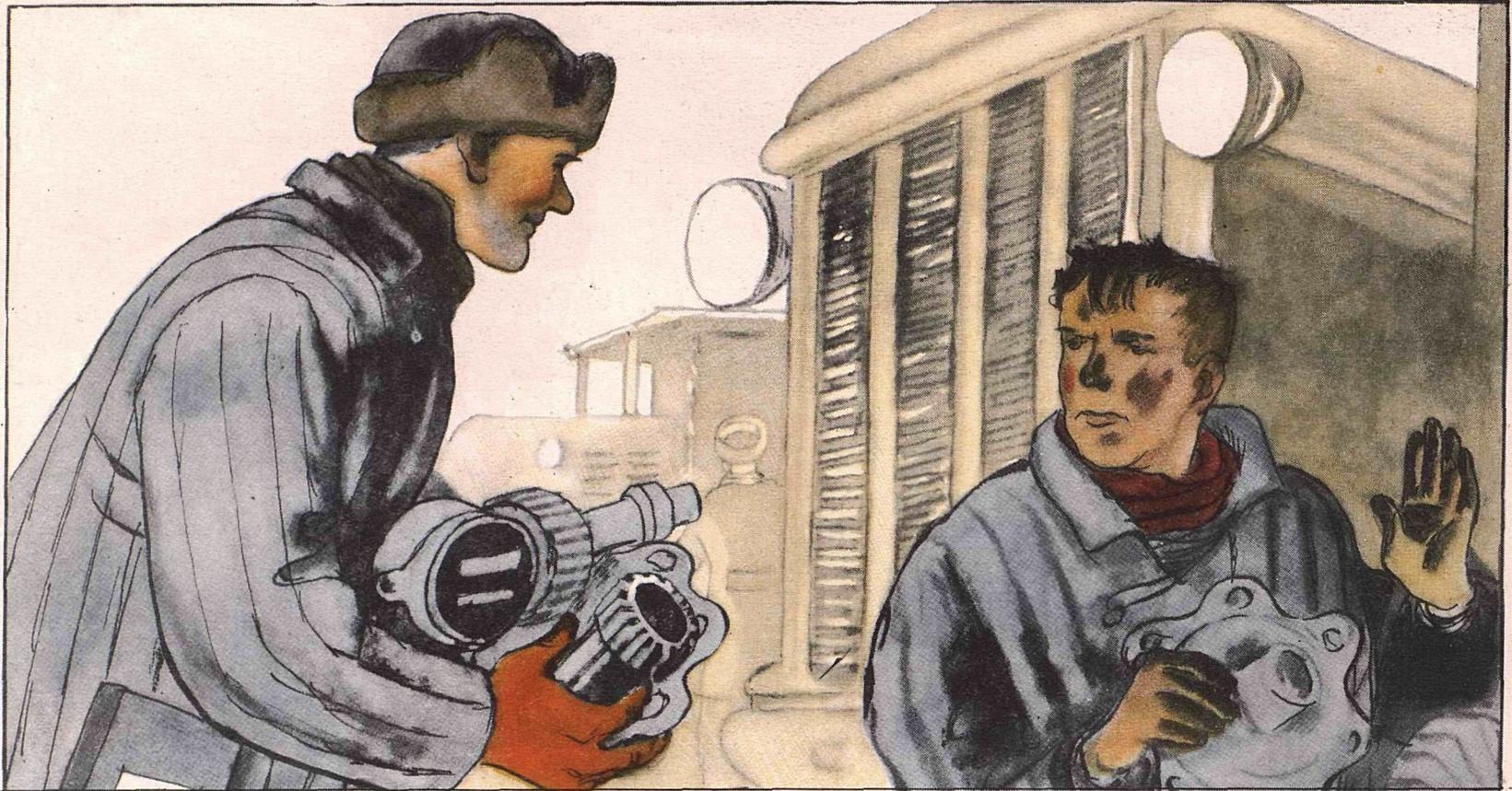

ПЕРВЫЙ ПРИЕМ
У НОВОГО ДЕПУТАТА

— Ну, как, приняли земляков, помогли!
— Помогли! Крепко они помогли мне
своим советом!

Рис. В. ГОРЯЕВА

К Р О К О Д И Л

— Вот я тебе новые детали принёс!
 — погоди ты с новыми деталями! Я и со старыми никак не справлюсь!

Еще кланяемся!..

Главному инженеру Главтрубостали Министерства металлургической промышленности тов. КАЛПОВСКОМУ К. М.

К о п и я: главному инженеру Главкотлотурбопрома Министерства тяжёлого машиностроения тов. БЕРЕЗИНУ С. И.

Уважаемые товарищи!

Я себе ясно представляю вас в домашней обстановке. Любящие отцы — вы строги и взыскательны к своим детям. Вы повседневно проверяете, как выполняют они свои школьные задания. Вы поучаете их:

— Школьные задания, деточки, — это закон. Выполняйте, милые, его точно, добросовестно. Никогда не обманывайте учителей и родителей.

Я себе ясно представляю вас и в служебной обстановке. Например в Главкотлотурбопроме, где работаете вы, тов. Березин, секретарь докладывает:

— Звонили из министерства. Опять насчёт фитингов, этих самых соединительных деталей к трубам для высотных зданий.

— Опять? Что за нетерпеливый народ! Я обещал, — значит, будет.

Ваш секретарь на это простосердечно замечает:

— В который раз мы обещаем?! Неужели нам двух приказов мало? И министр писал и его заместитель, а Венюковский завод к изготовлению фитингов и не приступал.

— Что вы, милочка, так близко к сердцу принимаете фитинги для высотных зданий? Можно подумать, что вам отведут квартиру на двадцать шестом этаже!

Секретарь пытается возразить, но вы, не выслушав её, звоните в министерство, звоните заказчику, успокаиваете:

— Производство фитингов в процессе освоения.

Возможно, воображаемый разговор с вашим секретарём, тов. Березин, описан не совсем точно. Но фитингов-то нет. Это, к сожалению, абсолютно точно.

Бесспорно также и то, что на подопечном вам, тов. Калповский, таганрогском заводе вот уже сколько месяцев изготавливают, вернее, не изготавливают, оцинкованные трубы для тех же высотных зданий.

Ребёнок, когда соврёт, краснеет, и краска стыда выдаёт его. Мне же ни разу не пришлось заметить, чтобы вы, тов. Калповский, или ваш диспетчер тов. Логинов, или директор завода тов. Астахов хоть раз покраснели. Действуете вы дружно, точно слаженный ансамбль. Только странный и необычный получается у вас этот ансамбль красивых слов и пустых обещаний.

И вы, тов. Калповский, а с вами Логинов и Астахов в один голос заверяете:

— Трубы готовы. На днях отгружаем. Дни превращаются в недели, а труб нет как нет. Заказчик беспокоится, тербит, напоминает, что производство труб включено в государственный план, что план — закон, что нарушать закон никому не позволено...

Снова выступает ваш ансамбль:

— Трубы? К чему волнения? Трубы давным-давно готовы. Шлите в Таганрог своего представителя.

Чуть ли не на крыльях мчится заказчик в Таганрог.

— Извините, маленькое недоразумение: ваши трубы по ошибке отдали другим. Потерпите немного, мы изготовим новую партию труб, специально для вас.

Месяц томительного ожидания, ансамбль снова выступает в своём старом репертуаре:

— Трубы? К чему волнения? Трубы давным-давно готовы. Шлите в Таганрог своего представителя.

В Таганроге заказчика ждёт новое разочарование:

— С трубами, понимаете, заминка... Труб, понимаете, нет.

Я не знаю, как вас, товарищи Калповский и Березин, в детстве воспитывали учителя и родители, но едва ли кто-нибудь из них мог внушить вам принципы щедрина Николашеньки, который полагал, что обманывать вообще, конечно, грех, но потихоньку можно.

Уважаемые товарищи! Вы люди почтенные, и негоже читать вам нравучения о том, что государственные планы должно уважать, а обманывать не к лицу ни детям, ни взрослым, о чём ставлю вас в известность и кланяюсь.

Крокодил

ВОСПИТАТЕЛЬ

В ОДИН из длинных декабрьских вечеров Михаил Михайлович Репейников сидел на районном собрании хозяйственного актива и слушал доклад о состоянии работы среди женщин.

«Да, да, правильно! — мысленно поддакивал он докладчику. — За мной тоже такой грех водится. Воспитанием своей жены совсем не занимаюсь. За это мало ругать, за это нужно...»

— Вот и получается, — продолжал докладчик, — муж растёт, учится, а про жену забывает. Даже среди присутствующих ещё имеются товарищи, которые...

Голова Репейникова медленно стала втягиваться в плечи, и если бы не кости, он, вероятно, сплоснулся бы до формы блина. Но докладчик его не упомянул, и Михаил Михайлович снова предался покаянным размышлениям:

«В самом деле, какой я, к шутам гороховым, муж! Сам вырос, конторой ворочаю, право первой подписи имею, а родной жене — ноль внимания. Нет, это с моей стороны свинство! Нужно сегодня же... да что там сегодня, сейчас же, немедленно пойти и поговорить с Леной!»

Чтоб наверстать упущенное и поскорей восполнить пробел в воспитании жены, Репейников, не дожидаясь конца собрания, помчался домой. В его голове, как танцующие пары на балу, кружились планы, один заманчивее другого.

«Прежде всего надо пораньше возвращаться домой, — прикидывал он. — Этим самым всё её свободное время я возьму под свой контроль. А то дело, ни дело, всё кисну в конторе до полуночи. Даже с Леной поговорить некогда. Второе: надо позвонить на фабрику и узнать, как Лена работает. Заодно попрошу, чтоб её вовлекли в общественную жизнь. Для начала посоветую поручить ей небольшую нагрузку, ну, скажем, страхового делегата или какого-нибудь там сборщика профсоюзных взносов. Было бы неплохо и в кружок её втянуть...»

И, довольный своим решением, Репейников лукаво подморгал уличному светофору, который любезно ответил ему тем же.

Напевая «Уж ты зимушка-зима», Михаил Михайлович переступил порог своей квартиры.

— Ты что так рано? — удивилась жена Елена Степановна. — И какой-то такой... будто навеселе. А ну-ка дыхни!

— Леночка, маковой росинки в рот не брал! — оправдывался Репейников. — Это я просто так, от избытка чувств. Знаешь что, Лена, я надумал... то есть не надумал, а твёрдо решил... давай поужинаем!

— Мудрое решение, — усмехнулась Елена Степановна. — Садись, пожалуйста! А я-то думаю: что это он решил?

— Нет, решил-то я не насчёт ужина, а насчёт... Нет, ты и ужин давай. А решил я, понимаешь, насчёт чего?..

— Тебя трудно понять. Уж лучше ужинай!

За ужином Михаил Михайлович не проронил ни одного слова, так как разговор во время еды он считал признаком невоспитанности. Но стоило ему выйти из-за стола и перебраться на диван, как мысли о воспитании жены снова роем завертелись в его голове.

«С чего же мне начать? — думал он, облокотившись на подушку. — В театр уже поздно. Нешто прогуляться в кино? Хм... В кино надо бы идти до ужина. А теперь... теперь тяжело... да и врачи не рекомендуют гулять после принятия пищи. В таких случаях желудку должен быть предоставлен абсолютный покой.»

Занявшись размышлениями, Репейников не заметил, как одна его нога очутилась на валике дивана. Через минуту вторая нога тоже потянулась за своей напарницей, и вскоре они оказались вместе, приняв уставное солдатское положение: пятки вместе, носки врозь.

— Ты как, на часок или уж до утра? — спросила Елена Степановна, видя, как муж делает мучительные усилия, чтоб поддержать глаза в открытом состоянии. — А то ложись бы совсем. Чего уж там!

В ответ Репейников сделал какой-то неопределённый жест рукой и словами пояснил:

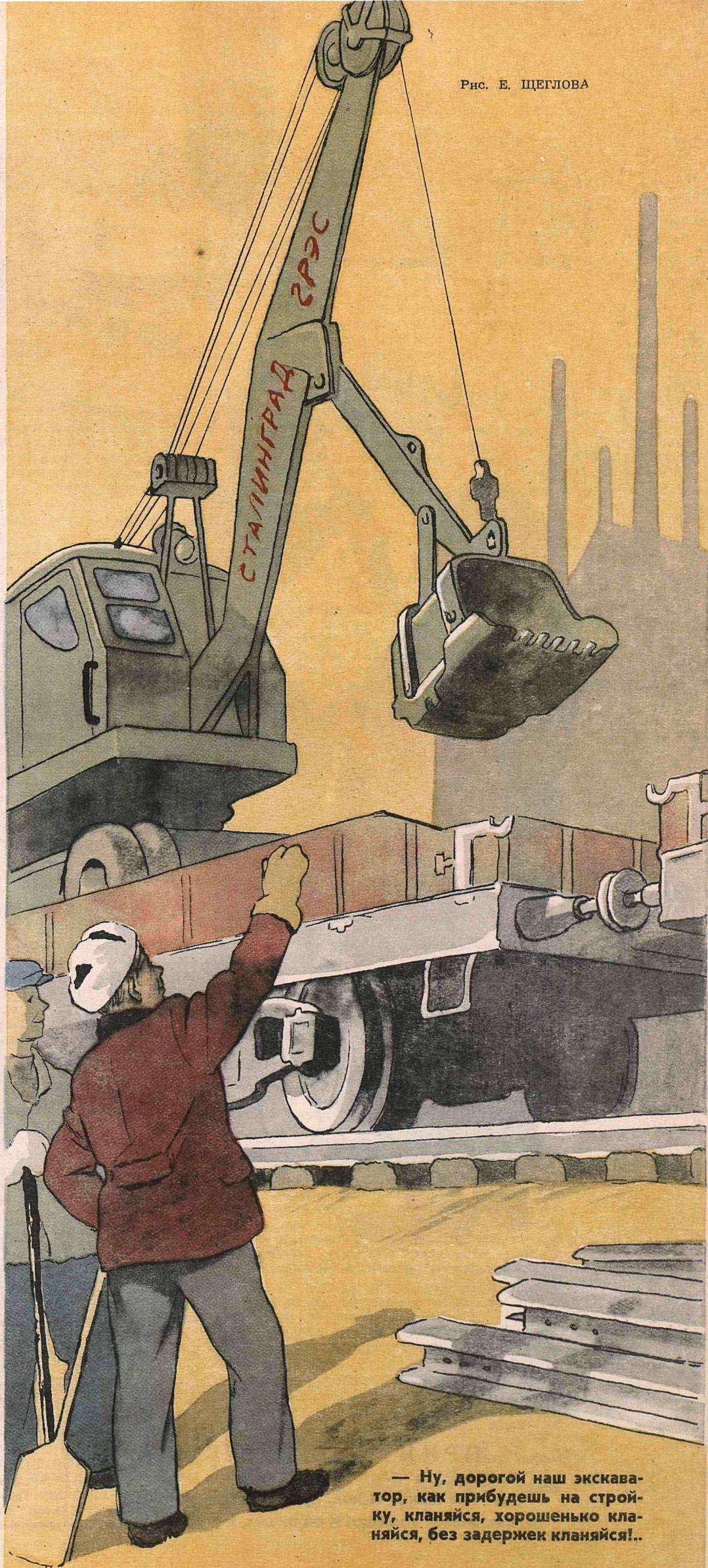
— Я на минуточку.

— Знаю я твои минуточки!.. Да, Михаил, я давно хотела с тобой поговорить... Да подожди же ты спать, слышишь!.. Видишь ли, Миша, в чём дело: ты начальник конторы, у тебя есть подчинённые, и я не представляю, как ты ими руководишь?

— Ты к чему это? — ноги Репейникова описали траекторию и опустились в шлёпанцы.

— К тому, что ты совсем не работаешь над собой. Книг не читаешь, в кино дорогу забыл, о театре и говорить не приходится. И, признаться, мне стыдно за тебя. Понимаешь, Михаил, стыдно! Меня на фабрике считают передовой, позавчера председателем фабкома избрали, а ты у меня... Так возьми себя в руки, занимайся! Если нужна будет моя помощь, — окажу с удовольствием.

Михаил Михайлович вскочил с дивана, крикнул, но сказать ничего не смог. От неожиданности у него захватило дыхание.

— Ну, дорогой наш экскаватор, как прибудешь на стройку, кланяйся, хорошенько кланяйся, без задержек кланяйся!..

Рис. В. КОНОВАЛОВА

ПРИЯТНЫЕ ИЗВЕСТИЯ

- Как живёт сынок, кума? Часто ли пишет?
- Живёт хорошо! И он пишет, и о нём пишут!..

ИРОНИЧЕСКАЯ СМЕСЬ

ЗНАЧИТЕЛЬНАЯ ТЕМА

К ВОПРОСУ О МОЛОДЫХ АВТОРАХ

СИДЕЛИ друг против друга молодой писатель и средних лет редактор. Перед редактором лежала рукопись. Он прочёл её до конца и сказал:

— Так.

Молодой автор счёл эту оценку не вполне исчерпывающей. Тогда редактор уточнил:

— В повести стержня нет. Какой-то, понимаете, стержень нужен. А тема значительная. Тема замечательная. Поработайте над стержнем.

Спустя полгода молодой писатель принёс в издательство повесть с конфликтом. За знакомым столом встретил его знакомый редактор. Он прочёл рукопись и сказал:

— Так.

Молодой писатель снова счёл оценку не вполне исчерпывающей и получил развёрнутое заключение:

— Тема значительная, но только цельности нет. Поработайте над композицией.

Сидели друг против друга молодой писатель и средних лет редактор. Писатель был тот же, но редактор был новый. Редактор держал перед собой три рукописи и говорил:

— Вы понимаете, мой друг, что вы написали замечательную вещь? Это же прекрасная повесть! Причём первый вариант—это как раз то, что нужно. Первый вариант написан одним дыханием, без ложного, надуманного конфликта, без искусственных сюжетных поворотов и зигзагов... Я вас от души поздравляю! Рукопись немедленно идёт в набор. Ах, как жаль, что она опоздала немного!..

Когда повесть молодого писателя вышла в свет, автор получил много писем и среди них письмо от старого редактора, перекочевавшего теперь в другое издательство. Он восторженно отзывался о произведении молодого автора и желал ему всяческих успехов на благородном литературном поприще. Три восклицательных знака заключали последнюю фразу о дивном росте молодых писательских сил. А когда старый редактор встретил автора на совещании молодых писателей, то крепко пожал ему руку:

— Молодец! Я же говорил, что тема значительная!

М. МИХАЙЛОВ

ПЕСЕННИК И ЗВЕНЬЕВАЯ

Громко песни распевая
На околице села,
Акулина-звеньевая
С гармонистом как-то шла.

Небо было сине-сине,
Пел соловушка над ней,
Лён, возвращённый героиней,
В поле цвёл, небес синей.

Шла в платочке звеньевая,
В ярких бусах шла она,
Чьи большие урожаи
Нынче знает вся страна.

И росла-цвела калина
Во зелёных во лесах,
И держала Акулина
Новый песенник в руках.

...В нём же было песен триста
Про околицу села.

Про кудрявых гармонистов
Песням не было числа.

Были песни о калине,
Про соловушек и пчёл...
И возвращённый героиней
Лён, конечно, в песнях цвёл.

Композитора с поэтом
Так, увы, воспитан вкус,
Что пятнадцать раз воспето
Ожерелье из бус.

Был воспет её платочек,
Упомянут голубой
Чуть не в доброй сотне строчек,
В тексте песенки любой.

Но она, чьи урожаи
Нынче знает вся страна,
Акулина-звеньевая
Не воспета лишь одна!

Осип КОЛЫЧЕВ

Х И Т Р Ы Й П А Н Ь К О

ЕЩЕ затемно поднялся Панько. Натянул большие сапоги, надел тулуп, а свидетельство на право голосования и бюллетень запрятал за пазуху.

Жена дала ему полкаравая и кусок сыру — в доказательство, что нынче для Панька праздничный день. И действительно, сегодня Панько первый раз в своей жизни выполнял общественное поручение: крестьяне избрали его выборным голосовать за своего кандидата в венский парламент...

Панько шлёпал по глубоким осенним лужам, вокруг не слышно было ни живой души, но ему казалось, что идёт он среди тысяч людей. И будто бы все эти люди наказывали ему то же самое, что в воскресенье около церкви говорили ему активисты: «Запомните, Панько, не отдавайте карточку для голосования никому! Даже если бы сам уездный староста вздумал её выудить у вас, не отдавайте. Легитимацию¹ предъявите, если какой чиновник спросит, но карточку на голосование — нет, пусть бы вам хоть сто рублей давали!»

«Что там сотня?! — мысленно отвечал Панько. — Да пусть меня смертными муками мучают, — и то не отдам! Я уж сумею за народ постоять, коли народ мне такую честь оказал!»

«Перво-наперво, — думал он, — зайду к тому адвокату, русскому, чтоб вписал в карточку нашего кандидата, а дальше прямо в избирательную комиссию».

Занятый этими мыслями, он и не заметил, как очутился в городе...

У адвоката вписали в бюллетень фамилию кандидата и предупредили:

— Смотрите же, не полюбите на пятёрку, потому что в сенях стоит секретарь пан Момчинский, отбирает бюллетени с нашим кандидатом и даёт за своих кандидатов пятёрку.

— Пятаком меня не купить!

«Пусть он себе верёвку купит за этот пятак!» — думал Панько, подходя к месту голосования и крепко зажав в кулаке легитимационную карточку.

В коридоре у стены стоял секретарь Момчинский, а у другой стоял здоровенный детина в каракулевой шапке и долгополом кафтане. Это, кажется, был десятский, которого на время выборов дали в помощь Момчинскому. Поодаль прохаживался жандарм с карабином.

При виде этих «общественных» представителей Панько немного оробел и неуверенно стал подниматься по ступенькам. Не успел он сделать и шага по коридору, как секретарь заревел:

— Покажи бюллетень!

Панько разжал дрожащую руку и протянул легитимационную карточку.

— Не эту! Ту, для голосования! — кричал на него Момчинский тем фальдфебельским голосом, каким кричал он раньше на своих уланов.

«Ого! Уже началось!» — подумал Панько.

— У меня нет другой карточки! — ответил Панько и тут же сообразил, что ему не поверят. Секретарь приблизил к нему побарбосевшее лицо:

— Врёшь! Давай бюллетень!

«Да исполнится божья воля! Только бы продержаться!» — подумал Панько и робко ответил:

— Здесь я не дам карточку, — наверху, в комиссии!

— Вышло! — зашипел секретарь, злое ще блеснул зубами и подмигнул десятскому:

— Дать!

Лесь Мартович (1871—1916), талантливый западноукраинский писатель, блестящий мастер социальной сатиры, беспощадно разоблачал в своих произведениях подкуп, обман, насилие господствующего класса Австро-Венгрии.

Для крестьян Западной Украины, находившейся под гнетом австро-венгерской монархии, были установлены многоступенчатые выборы. Крестьяне сначала избирали выборщиков, которые в свою очередь выделяли из своей среды новых выборщиков, а они уже голосовали за кандидатов в австрийский парламент.

Рассказ Лесь Мартовича «Хитрый Панько» ярко рисует ту атмосферу, в которой происходили «свободные» выборы в австрийский парламент.

Десятский взмахнул здоровенным кулаком и ударил Панько в лицо. «Уже бьют! Но выдержу. Только б не отдать!» — подумал Панько и приготовился получить ещё несколько тумачков. Секретарь отвернулся к стене, хихикая.

Подскочил жандарм и замахнулся прикладом:

— Давай или сюда или туда! Не мешай другим! — заревел он с такой злобой, точно Панько откусил ему ухо.

Панько не помнил, как пригнулся, как вскинул руку над головой и как выскользнул на улицу.

Он смотрел, как выборные заходили в помещение, как секретарь отбирал у них бюллетени и взамен давал другие.

«Наверное, дают пятёрку за своих кандидатов. За подлое платят, а за честное бьют!» — соображал Панько, и глаза его наполнялись слезами от обиды и боли.

Другой жандарм, охранявший здание с улицы, успел уже разведать, кто такой Панько, и направился к нему.

— Марш! — свирепо кричал и этот на Панька. — Стоять здесь не дозволено!

Запуганный Панько быстро зашагал к ярмарке.

«Бедная моя головушка! — думал он. — Что же мне делать?» Он озирался вокруг, словно ища глазами честного человека, который помог бы его горю.

Наконец он увидел односельчанина Ивана в высокой бараньей шапке. Тот, согнувшись, стоял на возу. Счастливая мысль осенила Панька, и он направился к Ивану.

— Что если бы я вас попросил, — начал Панько, опираясь рукою на воз, — одолжить мне шапку!

Иван удивился:

— А вам зачем моя шапка?

— Вы не спрашивайте, зачем, а одолжите. Я вам дам свою шляпу.

Иван с беспокойством почесал в затылке, подозревая, не наделал ли Панько чего-нибудь в городе, а теперь хочет переодеться, чтобы его не узнали.

Панько догадался, чего боится Иван:

— Да вы, Иван, ничего не бойтесь. Это, видите ли, я голосую за нашего кандидата, а там бьют.

— Опять бьют? — перебил Иван. — А говорили, что в эти выборы не будут бить.

— Какое там не будут! — вздохнул Панько. — Мне вот уже шестьдесят и два минуло, а ещё в жизни мне никто так в морду не давал, как сегодня. Ну, одолжите, Иван, подложу я в шапку соломки, всё же не так страшно.

Иван замаялся: неудобно отказать, но и давать своей шапки не хотелось.

— Так-то оно так, Панько, но поймите, — мямлил Иван, — жаль, конечно, и вашей головы, но жалко и моей шапки: как трахнет прикладом по шапке, так и расперет.

— Да я вам, ей богу, заплачу. Раз уж назвался грибом, то должен лезть в борщ.

Волей-неволей, но пришлось-таки Ивану взять у Панька шляпу и отдать ему свою шапку. Панько выдернул порядоч-

ный пук соломы, помаял его и аккуратно уложил на дно шапки.

«Теперь пусть бьёт! Трахнет, как в подушку, гул пойдёт, а мне хоть бы что», — подбадривал себя Панько, возвращаясь к месту выборов. Но чем ближе он подходил к зданию уездной управы, тем сильнее охватывал его страх. Неподалёку от дверей он остановился и задумался:

«Ох, и здоровенный же приклад, как долбня: лопнет шапка, так голова и расколется. Ну, допустим, задержала бы солома, а вдруг он треснет по морде!»

Эти соображения отняли у Панька последние остатки мужества, и он не отважился зайти в здание, а только издали стал поглядывать туда.

Он убедился, что вдоль всего здания тянется коридор и там обязательно должен быть чёрный ход.

«Вот бы оттуда проскочить!» — промелькнуло у него в голове. Он обошёл здание и, свернув в переулочек, удостоверился, что в конце двора были дубовые ворота.

Панько остановился и оглянулся: а вдруг кто крикнет: ловите вора! Его тревога была напрасна. В переулочке никого не было. «Надо бы подскочить так, чтоб ухватиться за перекладину, — думал Панько, осматривая ворота. — Руками, пожалуй, можно схватиться, да ноги соскользнут: нет никакого упора!»

Рассуждая так, он возвратился к Ивану, стащил сапоги, положил на воз и попросил земляка отвезти их домой.

Когда Панько возвращался к воротам, ноги у него так заоченели, что даже за сердце хватало. Подойдя к воротам, он оглянулся, нет ли кого, потом подпрыгнул, ухватился рукою за перекладину. Ноги скользили по мокрым доскам, ища опоры. Наконец ему удалось зацепиться большим пальцем ноги за выступающую шляпку гвоздя...

Прямо перед ним зиял коридор, а в конце его стояли секретарь, десятский и жандарм. Панько испугался и спрыгнул на землю.

Оглядываясь вокруг, Панько подбадривал себя: «Ну-ка, ещё разок!» Сердце у него глухо стучало, перехватывало дыхание. «Эх, старость, старость! — думал Панько. — Чуть поднялся — и отдышаться нет мочи».

Никогда он ещё так не сожалел о своей ушедшей молодости, как сейчас. «Мне бы только вверх взобраться, а там хоть курьком вниз», — успокаивал он себя, оттягивая время.

Но собрав всю силу воли и превозмогая усталость и боль, он двинулся к воротам, подскочил, ухватился руками за верхнюю перекладину и, цепаясь ногтями за гвозди, за выступы досок, перевернулся на другую сторону. Панько хотя и чувствовал сильную усталость, однако, не задерживаясь, быстро побежал к сараю.

Стал у косяка двери, украдкой подглядывая, когда те трое в коридоре будут смотреть в противоположную сторону. Долго ждать ему не пришлось: тем троим и в голову не приходило наблюдать за чёрным ходом.

Выбрав удобную минуту, махнул Панько к площадке и побежал босыми ногами по каменным плитам, чтобы выполнить установленный австрийскими законами акт «свободных» выборов.

Сбегая вниз по лестнице, Панько испытывал великую радость, что не предал интересы своих избирателей и так хитро ушёл от беды.

Перевод Л. НЕСТЕРЕНКО

¹ Свидетельство на право голосования.

ДЖОН РОГГЕ И ЕГО ЖЕНА

ДЖОН Рогге приехал на Второй Всемирный конгресс мира из США, но когда он сунулся в американскую делегацию, его прогнали. Он сидел всё же за американским столом, поглядывая издали на президиум, куда его не избрали. Он сидел за американским столом, но как будто в пустыне. Он был в этом громадном зале совершенно одинок, и только невысокая женщина с лицом гриба-опёнка делила с ним его одиночество.

Ещё не столь давно Джон Рогге занимал место в Постоянном Комитете сторонников мира. Бывший помощник министра юстиции США не без успеха выдавал себя за человека прогрессивных взглядов. Правда, в его выступлениях был какой-то шутовской элемент. Он, например, уверял, что агрессия — это некое заболевание психического характера и от него надо лечить методами Фрейда, психоанализом. Это казалось чудачеством, понятным в американском адвокате.

Люди, которые имели возможность встретиться с Джоном Рогге, расходились в мнениях о нём. Одни говорили, что он глуповат. Другие, что он подловат. Одни думали, что он примазался к движению сторонников мира по простоватости, другие думали, что он выполняет чьё-то задание и пытается внести раскол в движение сторонников мира и что не столько он простоват, сколько нагловат.

Ко времени Варшавского конгресса Джон Рогге стал совершенно ясен. Вместе с шутовским дипломом белградско-титовского университета он принял должность юрисконсульта титовского посольства в Вашингтоне. Во всех этих своих званиях он явился на Всемирный конгресс мира, и теперь уж решительно всем стало понятно, что не простоват этот американский спекулянт, а в нью-йоркском стиле груб и нахален.

Его не смущало то, что к нему относятся, как к шуту, что он окружён полным и единодушным презрением. Он выполнял поручение, которое ему было дано его хозяевами и было оплачено. Есть люди, о которых пословица говорит: «Плюнь ему в глаза, для него что божья роса». Вот так смотрел круглыми бесстыжими глазами Джон Рогге на делегатов Конгресса, на гостей, на детей, которые смотрели на него, как на любопытного зверя в зоопарке. Он был воплощением бесстыдства американских политических гангстеров. Его самонадеянность давала представление о том самомнении, которым страдают руководители американской агрессивной политики.

Появление Джона Рогге на трибуне вызвало и смех и гнев. Нельзя было без негодования слушать, как этот человек с остановившимися бычьими глазами источал грязную клевету на демократические страны. Нельзя было без смеха слушать, как он приглашал всех членов китайской де-

легации встретиться с ним и с его женой. «Моя жена и я» — эти слова бесконечно повторялись в его речи, и за столом советской делегации иные смещливые люди потихоньку напевали: «Я и моя Маша».

В Америке неудачного оратора не только освистывают, но и оглушают криками: «Гу-у, гу-у!» Когда Джон Рогге закончил поток своей клеветы и сел на место рядом со своей женой, он в течение нескольких минут был подвергнут «гуганию» со стороны американской делегации. Это была тяжёлая сцена. Рогге сидел неподвижно, и в глазах его застыла ненависть. Жена с деланным спокойствием вязала чулок. Они были жалки и противны.

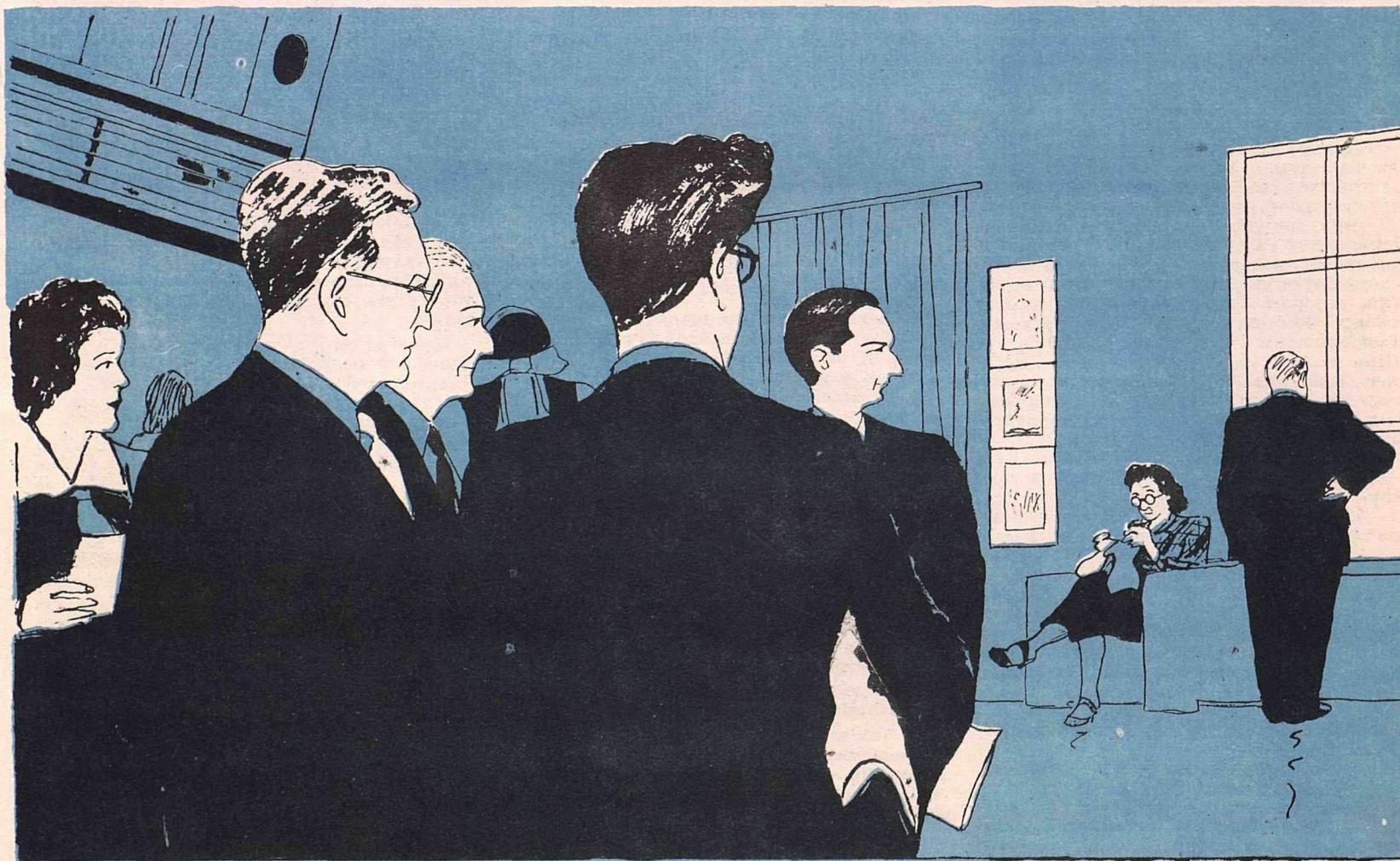
Но не прошло и часа, как Рогге со своей половиной рассказывал по прилегающим залам, он заискивающе подходил к знакомым и с кривой улыбкой говорил: «Позвольте представить, моя жена». Знакомые неловко совали руку и поспешно отходили в сторону.

За свои тридцать сребреников библейский Иуда не должен был рассказывать среди честных людей, притворно улыбаясь им и называть плевки в глаза божьей росой. Он не должен был разыгрывать шута и, принимая на себя всю тяжесть позора, не обязан был подвергать позору и поношению также свою жену.

Должность современных иуд несравненно более тяжела.

ТОЧНАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ

Рис. Л. БРОДАТЫ

— Господин Рогге захотел угодить поджигателям войны, а угодил в поджигатели войны!

СПРОС НА ПСИХОПАТОВ

Гамлет, принц датский, уверял:

«Я безумен только при норд-норд-весте; когда ветер с юга, я отличаю сокола от цапли».

Сейчас в Дании обстановка несколько осложнилась. На развитие и процветание сумасшествия влияет не столько норд-вест, сколько ветер из-за океана: доллар-вест или доллар-ост. Овеваемые этим ветром, многие датчане не только перестают отличать сокола от цапли, но готовы под присягой признать, что хищный стервятник похож на кроткую голубицу.

За примерами, как говорится, ходить недалеко. Разверните датскую газету «Политикен». Недавно в одном из её номеров на самом видном месте была напечатана статья, заглавие которой сильно обнадёживало подписчиков этой реакционной газеты:

«Радуйтесь, что вы психопат!»

Оказывается, что этот бодрый лозунг импортный, завезён из Соединённых Штатов. Недавно под таким названием вышла в Америке книга некоего д-ра Биша.

Следуя директиве, заключённой в заглавии книги, редакция газеты «Политикен» с большим восторгом рекламирует это сочинение, в котором д-р Биш утверждает, что «психопаты во всех отношениях выше, чем нормальные люди».

Газета пространно и, конечно, сочувственно излагает содержание этого типичного продукта американской культуры.

Д-р Биш ведёт наступление против нормального среднего человека!

Он решительно отмежевается от тех врачей, которые используют свои звания для того, чтобы помочь человеку приспособиться к окружающей среде.

«Держитесь! — говорит он психопатам. — Не давайте врачам убедить вас в том, что вы должны стать нормальными людьми. Цепляйтесь за ваш невроз...»

В книге Биша попадаются весьма оптимистические строки.

«Число психопатов постоянно растёт», — с удовлетворением отмечает автор.

Но на смену радости идёт печаль:

«Всё же подавляющее большинство людей пока ещё нормальны...»

Пока ещё... Значит, не всё потеряно. Не надо терять надежды.

И этот стопроцентный американец, опора обеих партий — демократической и республиканской, — обращается к своим читателям со следующими проникновенными словами:

«Если вы психопат, вы должны этому радоваться... Миру нужны не нормальные люди, а множество психопатов...»

Не случайно эта книга вышла в свет теперь, когда форресто-

лы пытаются командовать американским народом.

Идеал трумэновского подданного — это психопат. Долой человека, который нормально мыслит! Прочь с дороги всякого, кто не причастен к военной истерии! В тюрьму тех, кто выступает за мир! И пусть Макартур расстреляет всякого американского солдата, который трезво смотрит на мир и не хочет убивать мирных корейцев!

Курс на психопатов! Америке Трумэна «требуются психопаты» и в маршаллизованных странах.

Книжка д-ра Биша будет широко распространяться в Западной Европе. Начато с Дании.

Давно уж неблагополучно в датском королевстве. Ещё во времена Гамлета здесь шлались всякие духи и призраки, но те только пугали и ничуть не влияли ни на экономику, ни на психику населения. А сейчас бродит по Дании дух Маршалла, скитается тень Трумэна, и они взывают к тем, кто готов преклонить колена перед долларом:

— Радуйтесь, что вы психопаты!..

Г. РЫКЛИН

ЧЕРНИЧНЫЙ ПИРОГ

«Американцы слишком высокого мнения о себе. Мы думаем о себе только в превосходной степени. Наше мышление определяют голливудские эпитеты и реклама... Но американцы — не лучшие солдаты в мире: во многих отношениях им дьявольски далеко до этого».

Такими печальными и безнадёжными вздохами нафарширована весьма длинная статья американского военного обозревателя Хэнсона Болдуина. Она появилась на свет под рыдающим заголовком «Мы — не лучшие в мире» в связи с провалом Макартурна в Корее.

«Наш образ жизни», — признался Болдуин, — не сумел найти себе наглядное выражение в форме ценностей, за которые стоило бы драться: наши ребята сражались за «черничный пирог» и право вернуться на родину».

В действительности заботы американского воинства, дислоцированного на чужих землях, более прозаичны, чем это думает Болдуин.

В дни и ночи второй мировой войны солдаты и офицеры США ввиду прискорбного отсутствия возвышенных целей неустанно старались поменьше воевать, но побольше грабить. Неопровержимые вещественные доказательства их несусветного мародёрства и всеобщей спекуляции размещены в особняках миллионеров и в бесчисленных антикварных магазинах Америки. Эти магазины ломаются от уникальных произведений искусства. На полках и витринах — целые выставки картин, скульптуры, посуды, редких книг, музейных коллекций, мебели дворцов и монастырей, икон и т. п. Тут идёт бойкая торговля награбленным добром всех стран и всех времён.

На европейском континенте с конца второй мировой войны и поныне процветают банды усовершенствованных заокеанских мародёров. Они состоят из офицеров и обыкновенных спекулянтов, из солдат и торговых агентов Уолл-стриты.

Сначала американские мародёры обобрали мародёров гитлеровских, а затем стали скупать и выменивать антикварные вещи за бесценок у голландных, обнищавших европейцев.

В нью-йоркских антикварных магазинах особенно богат и разнообразен выбор произведений русского искусства, украденных в своё время гитлеровцами в Киеве, Новгороде, Пскове, Минске... Один из магазинов фешенебельной Пятой авеню бойко торгует исключительно предметами русской старины.

Мародёрство и сбыт краденого организованы с подлинно американской деловитостью. «Трофеи» солдатских и штатских мародёров и спекулянтов перевозятся на кораблях и самолётах. Новые фирмы и магазины по продаже краденого плодятся и размножаются. Европейский воровской завод пополнился сейчас добычей американских мародёров в Корее.

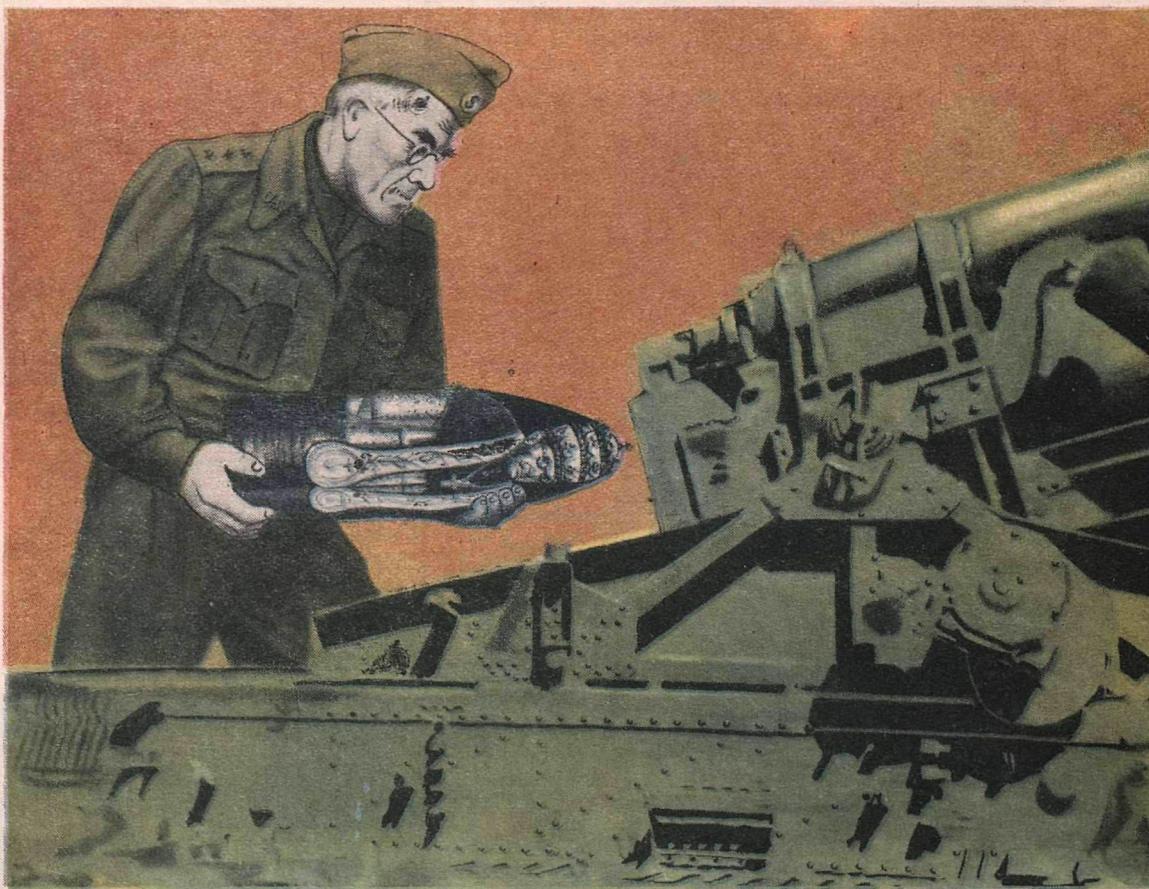
Вот каков настоящий лакомый «черничный пирог» парней из Америки!

Хэнсон Болдуин всё же может утешиться: если американским обывателям и бизнесменам не суждено быть лучшими солдатами, то всё же они останутся непревзойдёнными, лучшими мародёрами в мире!

М. ПОЛИКАНОВ

ВАТИКАНСКИЙ ФУГАС «ПП-12» (ПАПА ПИЙ XII)

Фотомонтаж Р. МАТУСЕВИЧА (Киев)

Принят на вооружение Северо-атлантическим союзом.

Рис. Л. СОЙФЕРТИСА

АМЕРИКАНСКИЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ В КОРЕЕ

— Никто теперь не скажет, что этот населённый пункт бомбили наши самолёты!
— Почему!
— Потому что Макартур запретил об этом говорить!

ПОД ПОЛОСАТЫМ ФЛАГОМ

Некогда пиратские корабли бороздили в разных направлениях голубые воды Средиземного моря. Охотясь за торговыми судами, пираты предусмотрительно держались вдали от берегов, никого не информировали о своём маршруте, а для стоянок и сбыта награбленного выбирали наиболее укромные местечки.

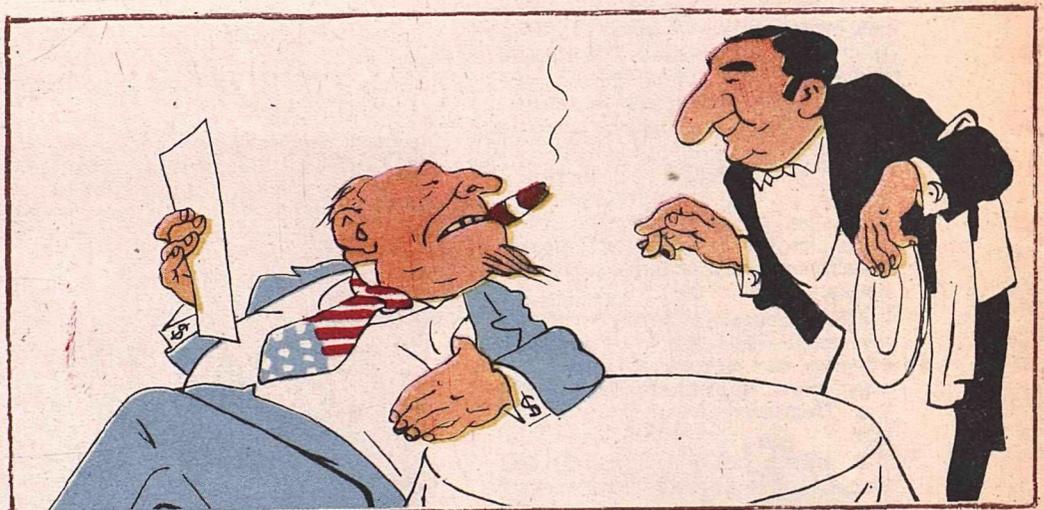
Современные пираты во многом отличаются от средневековых. Они свободно шатаются по морям, радируют на берег о своём местопребывании, а грабежом занимаются преимущественно в крупных портовых городах, поскольку на суше они чувствуют себя куда лучше, чем на море.

Недавно итальянская газета «Унита» подвела некоторые итоги пребывания американских военных кораблей в портах Сицилии. В Мессине, Палермо и других портовых городах острова американцы предаются «невинным развлечениям»: нападают на женщин, избивают прохожих, грабят, устраивают пьяные дебоши, погромы в кафе и ресторанах.

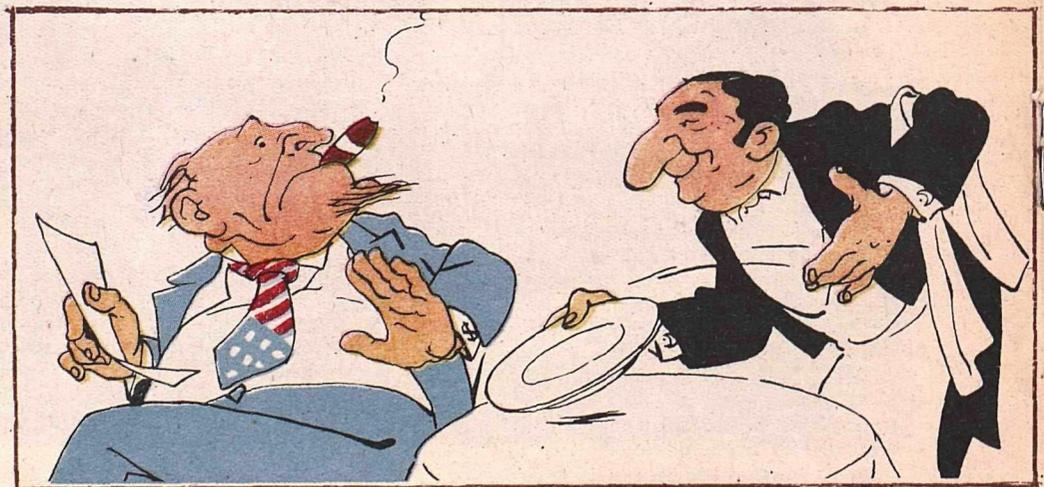
Средневековые морские пираты грабили в открытом море под чёрным, со зловещим черепом флагом. Современные морские пираты грабят в открытых для американцев портах Европы под полосатым флагом. Но тем, кого грабят, от этого не легче.

ТУРЕЦКАЯ КУХНЯ

Рис. А. БАЖЕНОВА

— Подайте мне ваше самое популярное блюдо!..

— Пожалуйста!

ЭЙЗЕНХАУЭРЫ ЖДУТ

БЫВШИЙ главнокомандующий бывшей армии генерал Дуайт Эйзенхауэр — ныне президент Колумбийского университета. Вспоминая славные боевые прибыли и завидуя своему давнему сопернику Макартуру, он нетерпеливо ждёт своего часа. Казалось, этот час пробил в июне 1950 года. Эйзенхауэр во всеуслышание заявил тогда:

— Если война в Корее примет большой масштаб, я снова отдам себя в распоряжение командования.

Сообщение о самопожертвовании Дуайта Эйзенхауэра, однако, не взволновало Пентагон — резиденцию военного министерства. Дальневосточный наместник США Дуглас Макартур упорно хранил презрительное молчание.

Тогда Эйзенхауэр вновь устремил свой тоскующий по большому доллару взгляд на Европу. Он был убеждён, что война в Корее неминуемо окажет «благотворное влияние на развитие отношений внутри Атлантического союза».

Эйзенхауэр решил форсировать события. Не ожидая официального назначения, он поспешил заявить на пресс-конференции в начале ноября:

— Скоро я отправлюсь в Европу, чтобы занять почётный пост командующего вооружёнными силами Северо-атлантического союза.

Но, странное дело, и это заявление не было подхвачено печатью. Пресса была поглощена более важной проблемой: не приведёт ли война в Корее к полному распаду Атлантического союза? По страницам газет и журналов волной прокатились всерьёз встревожившие Эйзенхауэра сообщения:

«Единодушные между США и их главными западными союзниками по вопросу о Корее угрожают исчезнуть в вопросе о политике по отношению к красному Китаю».

Болтовня о «благотворном влиянии» сменилась унылым признанием, что «благоприятный момент упущен».

Но больше всего Эйзенхауэра потрясло то, что даже выдрессированная Англия, на которую «до последнего дня нельзя было жаловаться», вдруг заявила о своём желании «выглядеть не приживалкой, а равным партнёром...»

Отъезд в Европу задержался. Генерал мучительно обдумывал текст своего третьего заявления в печати. Но здесь его выручил корреспондент газеты «Нью-Йорк геральд трибюн», который недавно сообщил:

«США воздержались от предполагавшегося назначения Эйзенхауэра на пост верховного главнокомандующего в Европе в связи с тем, что не решена проблема, кем и как он будет командовать».

Корреспондент не совсем точно выразил свою мысль. Как командует Эйзенхауэр, не составляет проблемы. Это общеизвестно по опыту второй мировой войны. Сложнее вопрос, кем командовать. Это и тревожит многих эйзенхауэров, яростно соперничающих в страстном желании сделать бизнес на новой войне.

Эйзенхауэры готовы ждать!

Но тщетно. От президента США ещё висит бросать то или иное количество миллиардов долларов на вооружение. Но поднять миллионы простых людей на войну — сие от президента уже не зависит.

В. КРУГЛОВ

ГЕНЕРАЛ-РАБОВЛАДЕЛЕЦ

В древней Греции рабов заставляли трудиться без отдыха, до полного изнеможения.

Опыт древних освоен в США на базе современной техники. По сообщению «Дэйли компас», прибыли моргановской компании «Ньюмонт майнинг корпорейшен», владеющей в Цумебе (Юго-Западная Африка) свинцовыми, медными и цинковыми рудниками, лишь за последние три года достигли 9 миллионов долларов, хотя в эту компанию вложено всего 7 миллионов.

Своими доходами компания обязана умелому руководству директора рудников, небезызвестного Клея. Это он заставлял негров-рабочих трудиться без отдыха по 15 и более часов в день, а получать за это по 15 и менее центов.

Правительство США сумело оценить таланты Клея на рабовладельческом поприще и назначило его военным губернатором американской зоны Германии.

Недавно генерал-рабовладелец попытался проявить себя в новом, неожиданном амплуа.

Он возглавил комитет «похода за свободу», которому поручено собрать подписи американцев под... «свитками свободы». Известно, что «свитки» были пушены в ход бизнесменами, которые потеряли покой, узнав о новых миллионах подписей под Стокгольмским воззванием.

Но генерала постигла неудача. Накопленный им громадный рабовладельческий опыт оказался неприменимым в таком щекотливом деле. «Свитки свободы» украсились лишь автографами полицейских, жандармов и других подневольных лиц.

Говорят, что Клей тяжело переживает свою неудачу. Может быть, в минуты слабости он спрашивает себя с горькой усмешкой: «К чему этот маскарад? Зачем нужно мне, честному рабовладельцу, орать о свободе?»

Но хозяева Клея знают: времена сейчас такие, что иначе нельзя! Поджигатели войны организывают «поход за свободу», рабовладельцы пишут тексты «свитков свободы», а жандармы, ставя под текстами свои подписи, тоже вносят лепту в общее дело.

ПОДСЕНЬЮ ЗАКОНА

В Нью-Йорке обнаружено тесное и любовное сотрудничество между местной полицией и представителями уголовного мира. Гангстеры баловали блюстителей закона вещественными доказательствами своей любви и преданности (не менее одного миллиона долларов ежегодно). Благодарная полиция доказывала, что умеет ценить истинные чувства, и не вмешивалась в дела своих друзей.

Газета «Нью-Йорк пост» живо откликнулась на эту сенсацию, употребив излюбленный американскими журналистами приём: она порадовала своих читателей анкетой и поставила перед ньюйоркцами своеобразный вопрос:

— Может ли один полицейский вести расследование проступков другого полицейского?

Но, увы, анкета успеха не имела. На неё ответили всего два счетовода, два страховых агента и один гравёр. Ньюйоркцев, видимо, мало интересуется, может ли один вор допраши-

вать другого. Читателей беспокоит иное: как отличить гангстера от полицейского?

Вот возвращается прохожий пустынным переулком и видит дюжину фигур блюстителя порядка. Что делать: спасаться бегством или же доверчиво устремиться навстречу? А вдруг полисмен остановит прохожего для краткой беседы и после этого придётся продолжать путь без кошелька и без пальто?

Пока ньюйоркцы раздумывали над своими взаимоотношениями с блюстителями закона, им преподнесли новый сюрприз: в тесной связи с преступным миром был уличён родной брат миссис Трумэн Д. Ф. Уоллес.

Вряд ли теперь «Нью-Йорк пост» рискнёт обратиться к своим читателям с анкетой:

«Кого охраняют законы в США, если полиция состоит с гангстерами в дружбе, а правительство — в родстве?»

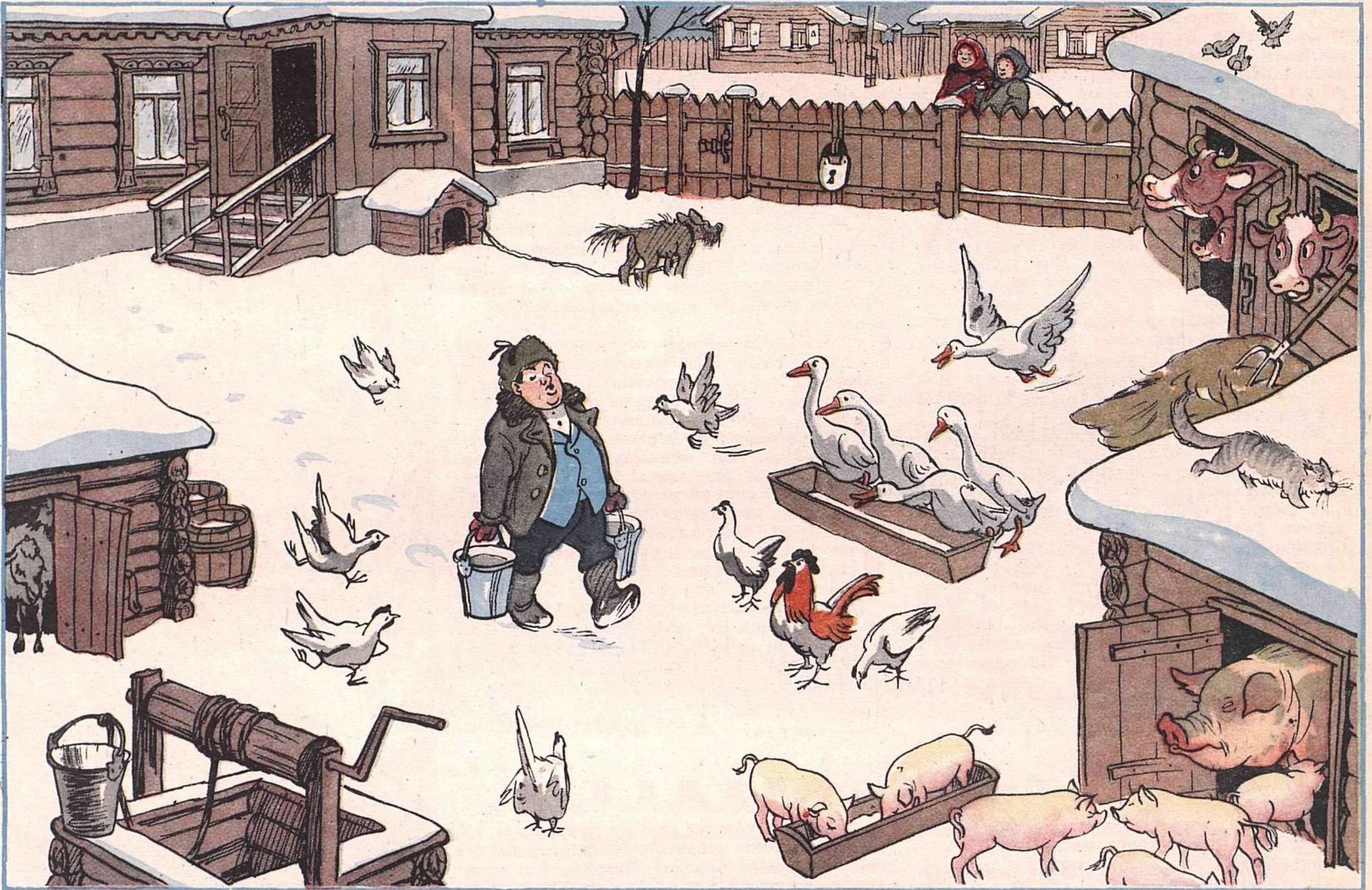
— Чёрт возьми! У них полное превосходство в воздухе!..

Рис. В. ВАСИЛОВА

ЗАНЯТЫЙ ЧЕЛОВЕК

Рис. И. СЕМЕНОВА

Директор свеклосовхоза «Александровский», Харьковской области, Хомутов завёл большое личное хозяйство, которому уделяет больше внимания, чем совхозу.

— А когда директор совхоза работает?
— В свободное от домашних занятий время!

МЫЛЬНАЯ ЛИХОРАДКА

П О ГОРОДУ Алма-Ате беспокойно снуёт странная фигура. Туго набитый портфель, запylённый ворот рубашки, щетина на щеках, тревожный взгляд выдают его сразу: это командированный.

Какие важные дела вынудили его приехать сюда, за тридевять земель, и мотаться по республиканским учреждениям? «Что ищет он в стране далёкой? Что кинул он в краю родном?»

На эти вопросы отвечает тот же поэт: «Увы, он счастья не ищет и не от счастья бежит!»

Его отлично знают в приёмных министерств, в банке и арбитраже, в торговых базах. Всюду сочувственно выслушивают и беспомощно разводят руками. А те, кто не знает, с удивлением смотрят на его всклокоченную фигуру, прислушиваются к невяжному бормотанью и спрашивают:

— Отчего вы такой взмыленный?

— Такая судьба — от мыла бегу, а оно меня преследует.

И, озираясь по сторонам, он как бы оправдывается:

— Не обращайтесь внимания на мою бороду. Поверьте, никакая сила не заставит меня зайти в парикмахерскую. До обморока там доходило. Как одержимый, выры-

вался на улицу. А ведь недавно я был совершенно здоров и вот заболел: понимаю, не переносу мыла. Даже слышать о нём не могу. Мылобознью заболел.

Вы хотите знать историю этой странной болезни? Вот она! В прошлом году Министерство торговли республики прислало на Зырянский рудник наряд на мыло.глянули на наряд и ужаснулись:

— Кто-то из нас сошёл с ума: мы или работники бытовой конторы «Главрасжирмасло». Зачем, скажите, нам мыла на три миллиона шестьсот пятьдесят семь тысяч рублей?! Такой запас и за десять лет не измылить. Даже если всех бродячих собак будем с мылом обмывать!

Тогда обратились за помощью в Министерство торговли, а там улыбаются:

— Ничего, выдержите!

Зырянцы в тревоге постучались к полномочному Главурса нашего Министерства металлургической промышленности, а он и слышать не хочет:

— Досрочный завоз... Не срывайте нам мероприятия по обеспечению периферии...

...И хлынул нескончаемый поток мыла. Всё захлестнул он! И склады, и конюшни, и столовые, контору, овощехранилища!.. Жители рудника хотят купить ещё что-нибудь, кроме мыла. Представители руд-

ника — в банк, а там над ними только подшучивают:

— У вас текущий счёт, извините, смыло. Были средства, и нет их: мыльный пузырь остался!..

Кое-как на руднике протянули год, и вдруг в мае снова получают проект договора:

— Извольте получить мыло на семьсот тысяч рублей.

На руднике взмолились:

— Куда нам ещё мыло? И так замылились!..

Вот и послали ходока сюда, в Алма-Ату: — Пусть выручат нас и не дадут потонуть в мыльной пене.

И снуёт ходок по министерствам и арбитражам. Ходит и протестует. И допротестовался до того, что оштрафовали руководителей рудника на пять тысяч рублей за отказ подписать договор и ещё в придачу триста рублей государственной пошлины заставили уплатить!..

...Если вы будете в Алма-Ате и вам придётся случайно встретить странную, небритую фигуру с туго набитым портфелем, не удивляйтесь: это командированный из Зырянского рудоуправления ищет спасения от мыла.

Е. ВЕСЕНИН

ОДНА ИЗ

НЕМНОГИХ

(ИЗ СЕРИИ «ТИПЫ, УХОДЯЩИЕ В ПРОШЛОЕ»)

ЗНАЕТЕ ли вы Сарру Шмерковну Пестунович?

- Знаем! — воскликнут работники Фрунзенского райисполкома Москвы.
- Знаем! — заявят в райжилуправлении того же района.
- Знаем! — подтвердят в районном отделе МВД.
- Знаем! — воскликнут в прокуратуре Фрунзенского района.
- Знаем! — заявят в народном суде.
- Знаем! — подтвердят в районном комитете партии.
- Знаем! — скажут в управлении Министерства юстиции при Моссовете.
- Знаем! — воскликнут во всех приёмных Московского совета.
- Знаем! — заявят в районном психиатрическом диспансере.
- Знаем! — скажут в 1-й городской психиатрической больнице.
- Знаем! — подтвердят в Институте судебной психиатрии имени Сербского.
- Знаем! — скажут в городской прокуратуре.
- Знаем! — подтвердят во многих редакциях московских газет.
- Ох, знаем!.. — заявят жильцы четырёх московских квартир, пугливо озираясь по сторонам при одном упоминании фамилии Пестунович.

Во время войны Сарра Шмерковна Пестунович в основном занималась спекуляцией и по мере своих сил и возможностей мешала людям жить и работать.

После войны она уже не занимается спекуляцией и всю свою энергию использует исключительно для того, чтобы мешать людям жить и работать. Делает это Сарра Шмерковна с изумительным упорством, с методически точной, разработанной во всех деталях, как у циркового актёра, последовательностью в своих действиях и поступках.

Сначала она пишет заявление. В нём жалуется на соседку по квартире, по дому, на домоуправление и на всех, кто попадёт на глаза. Затем принимает скорбную личину обижаемой, угнетаемой и оскорбляемой честности и несёт заявление, скажем, в райисполком.

Там её терпеливо выслушивают, сердечно сочувствуют и создают комиссию. Комиссия проверяет заявление и приходит к выводу, что не Сарру Шмерковну все обижают, а Сарра Шмерковна над всеми издевается.

Тогда ей говорят в райисполкоме:

- Вы оказались не правы, ваше заявление...

Не дав окончить фразу, Сарра Шмерковна начинает кричать и всячески оскорбляет работников райисполкома и, не сходя с места, устраивает несусветный скандал.

После этого её судят в народном суде.

Сарра Шмерковна возвращается из суда домой и устраивает в квартире и в доме ещё более возмутительный дебош, после чего садится и пишет заявление на жильцов, на райисполком, на прокурора — на всех, кто попадёт под руку. Затем принимает скорбную личину обиженной, угнетённой, оскорблённой честности и несёт заявление, допустим, в Моссовет. Там её внимательно и терпеливо выслушивают, сердечно сочувствуют и обещают детально разобраться.

А когда детально разберутся и когда окажется, что не Сарру Шмерковну обидели, а она всех обидела, ей говорят:

- Вы, товарищ Пестунович, не правы, так как...

Не давая больше сказать ни одного слова, Сарра Шмерковна, не сходя с места, устраивает скандал и падает в обморок.

- Большая, очень большая женщина! — с горестным сочувствием говорят терпеливые работники Моссовета и заботливо отправляют её в психиатрическую больницу.

В больнице с большим вниманием изучают состояние здоровья Сарры Шмерковны и делают заключение:

«Пестунович — психопатическая личность с установочным поведением, т. е. использует свою болезнь целеустремлённо, для достижения намеченной цели. Вменяема».

Сарра Шмерковна возвращается домой, устраивает немедленно очередной дебош в квартире и в доме, после чего пишет заявление и идёт с ним в вышестоящую инстанцию. Там её внимательно и терпеливо выслушивают, сердечно сочувствуют и создают очень авторитетную комиссию.

Комиссия с изумительным терпением изучает — да, да, именно изучает! — все обстоятельства. Члены комиссии — очень достойные и объективные люди — скрупулёзно проверяют все документы, спрашивают десятки должностных и недолжностных лиц. Члены комиссии день за днём изучают жизнь и пове-

дение Сарры Шмерковны за десять последних лет и приходят к выводу, что в течение этих десяти лет Сарру Шмерковну никто не обидел, а она оскорбила словесно и физически десятки хороших советских людей, ни в чём перед ней не повинных, и даже тех, которые сделали ей много добра, что там, где она проживала (а проживала она за это время в четырёх квартирах), она портила жизнь всем её окружающим. Желая по-доброму воздействовать, если не на гражданскую совесть Сарры Шмерковны, то хотя бы на чувства, комиссия в полном своём составе решает душевно с ней побеседовать. Решено — сделано! Комиссия начинает беседовать:

- Товарищ Пестунович, нам кажется, что вы могли бы принести пользу и себе и обществу, если бы вместо склок и скандалов занялись делом, поступили бы на работу...

Больше комиссия не могла сказать ни слова, так как Сарра Шмерковна, не сходя с места, устраивает очередной скандал, инсценирует очередную истерику и оскорбляет членов комиссии.

- Нет, всё-таки она невменяема и, видимо, очень больна. Надо её послать на серьёзное медицинское исследование.

После серьёзного исследования эксперты заключили: «Вменяема. Вполне способна владеть собой, но умышленно преувеличивает свою возбудимость и ведёт себя там, где это принимают за чистую монету, крайне невыдержанно, по-хулигански».

Все врачи, у которых Сарра Шмерковна была, в один голос считают, что единственным лекарством для неё может быть только хороший физический труд. Но...

- Работать? Дудки! Пускай другие работают, а я за их счёт проживу.

В этом «кредо» Сарры Шмерковны. Об этом она твердит всюду и везде.

Чем же она живёт? На какие средства?

Неизвестно.

Может быть, это женщина преклонного возраста?

Отнюдь нет! Сарре Шмерковне всего 36 лет. И за все эти 36 лет, по некоторым довольно сомнительным справкам, у неё насчитывается 4 года 7 месяцев и 23 дня трудового стажа. Только! Доведённые до отчаяния ежедневными скандалами, издевательствами, оскорблениями, невообразимой, отвратительной руганью и побоями, некоторые жильцы квартиры № 13 дома № 8 по Б.-Могильцевскому переулку (где проживает последнее время Пестунович) вынуждены были оставить эту квартиру. Тех же, которые живут в этой квартире и в этом доме, Сарра Шмерковна терроризирует с не ослабевающей, а с нарастающей энергией.

Но что квартира! Что дом! Что Б.-Могильцевский переулок! Очень уж незначительны эти объекты для такой широко скандальной натуры, какой наградила природа Сарру Шмерковну Пестунович. И вот она избрала своей мишенью уже не жильцов, а работников советских, партийных и других учреждений Москвы. Она пишет, ходит, скандалит. Десятки, сотни людей отрывает от настоящего дела и в конце концов каждого из них обязательно и жестоко оскорбляет.

Поистине редкий в наше время тип! Поистине одна из немногих, но, к сожалению, всё ещё изредка встречающихся в нашей действительности особей.

- Мы в отчаянии, — заявляют жильцы дома № 8 по Б.-Могильцевскому переулку, — мы разуверились даже в органах суда и прокуратуры, которые (так получается), видимо, бессильны призвать к порядку Пестунович. Наша домашняя жизнь, работа, отдых отравлены. Нам кажется, что есть все основания освободить от этой женщины не только Б.-Могильцевский переулок, но и Москву. К такому выводу приходят и все комиссии, занимавшиеся делом Пестунович.

А к какому выводу пришли вы, товарищ прокурор Фрунзенского района? Или вы ждёте указаний свыше? Так они же были, эти указания. Вот что, например, писал шесть месяцев тому назад в редакцию «Правды» прокурор Москвы тов. Васильев:

«В связи с тем, что гр-ка Пестунович уже после осуждения её народным судом продолжает вести себя недостойно, мною дано указание прокурору Фрунзенского района тщательно проверить все заявления на гр-ку Пестунович и в том случае, если...»

...«Если описывать все «художества» Сарры Шмерковны, совершенные ею уже после вашего указания, тов. Васильев, ей богу и трёх журналов не хватит.»

Д. БЕЛЯЕВ

БОРЯ Н.

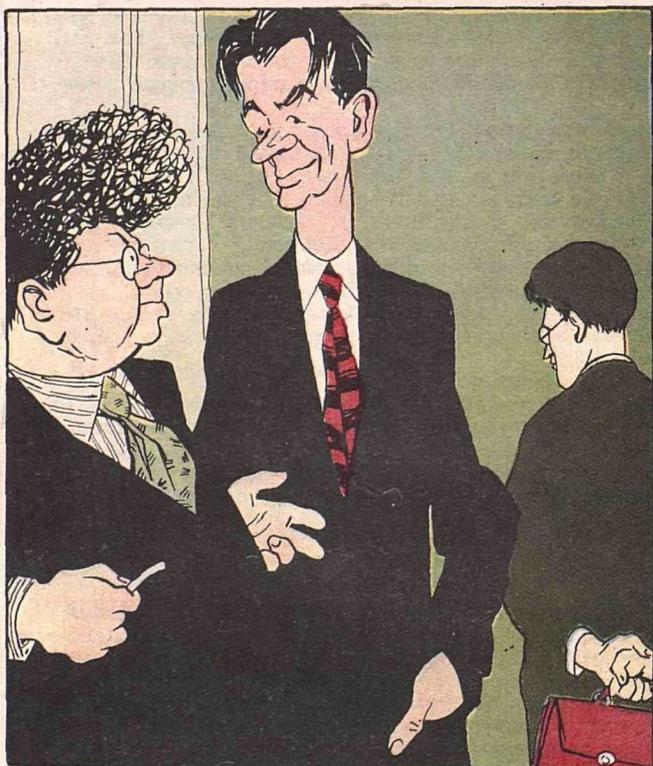
Многие ателье работают в неудобное для заказчиков время.

Рис. Л. ГЕНЧА

— Никак не могу платье в ателье заказать.
— Ателье не работает!
— Нет, я работаю.

Рис. И. ИГИНА

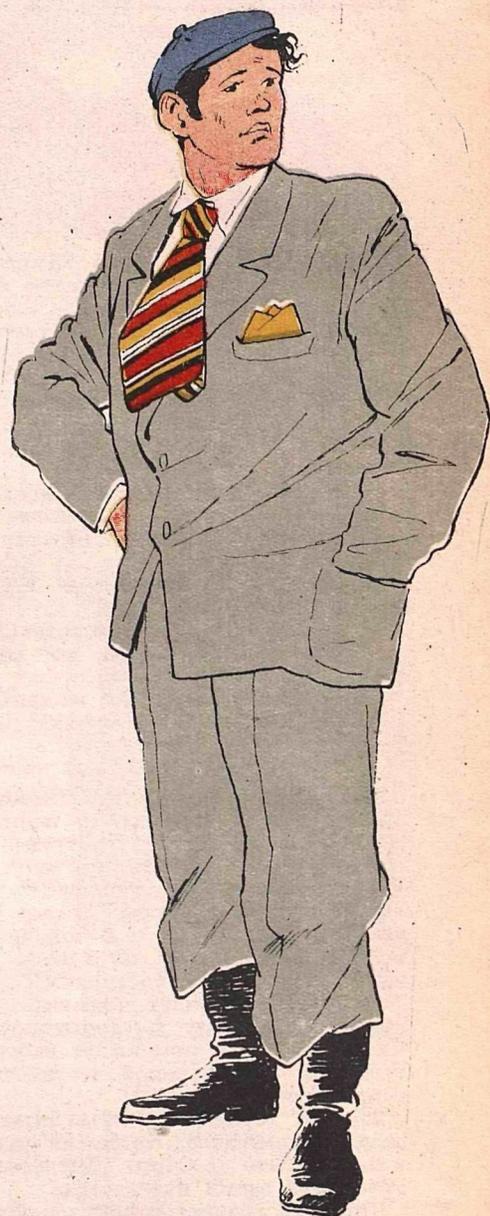
— Этот периферийный романист подобен столичному сатирику: и того и другого наша критика почти не замечает!

По вечерам на улицах полно
И юношей и девушек... Им надо
Успеть к началу лекции, доклада,
Одним — в театр, другим успеть
в кино.
Им всё открыто: вся культура
мира —
И Пушкин с ними дружит
в наши дни,
И Репин рад, с героями Шекспира
Под выходной встречаются они.
Мичурин их приветствует с экрана,
Им Павлов открывает мир наук,
И Маяковский с ними непрестанно,
Как сверстник равноправный
и как друг.
Они к науке и к искусству жадны
И всюду ищут нового черты.
А как красивы, веселы, нарядны
И платья их, и внешность, и мечты!

Конечно, правил нет без
исключения.
И как ни мало их осталось, но
Прямое фельетона назначение —
Всегда бороться против
«исключения».
Мы взяли исключенье.
Вот оно:

Боря Н.

Одет «интеллигентно»:
Кепка-блинчик «Всем я нос утру...»
Из-под кепки — чудо перманента,
Вьётся, вьётся чубчик по ветру.
Низкие сапожки, как гармошка,
И, конечно, брючки в сапожки.
Брови чуть подбривые. Немножко,
Чтоб имелась видимость тоски.
Боря всесторонне завивался,
Но односторонне развивался.
Он не отличался вкусом с детства:
Кепка, чубчик — это полублажь,
Попросите Борю Н. раздеться,
Вот где вам откроется пейзаж!..
Синие штрихи татуировки
В полной папуасской красоте,
Надписи, портреты; зарисовки,
На груди — две женские головки,
Сердце и стрела — на животе,
На спине — два якоря и джонки,
Вкруг руки — драконы в три
кольца,
На боку, в районе селезёнки, —
Синие пронзённые сердца...

Из размышлений

СОВЕТЫ НАЧИНАЮЩИМ

Не угнетай себя мыслью, что вселенная необъятна. Яркую звезду заметят.

Задумав написать портрет молодого человека, успей сделать это, пока он не состарился.

Трать не все усилия на поклоны маститым. Поклоны развивают поясницу, чего нельзя сказать о творческих перспективах.

Развивай голос и на собраниях.

Если спрошен будешь, как обозначить репертуар иного театра, смело ответствуй: «Топтание на месте».

Знай, что воображение зрителя можно поразить и репертуарным планом. Но стоит ли только ради этого портить бумагу?

Боря Н. на пляже или в бане
Привлекает общее внимание.
Люди удивляются кругом
И читают Борю, как альбом,
Отмечая в нём не без улыбок
Ряд орфографических ошибок...
Глядя на его татуировку,
Скажешь: «Лучше, живопись любя,
Посещать почаще «Третьяковку»,
Чем вот так расписывать себя...»
А в цеху, ведь он других не хуже,
Не бежит от дела своего...
Он толковый парень... Почему же
Всё же с ним товарищи не дружат,
Что их отдаляет от него?..
Потому что даже в развлечениях,
Так уже давно заведено,
Правила не дружат с исключением,
Это, так сказать, исключено!..

У него позыв систематический
Не в кружок идти математический,
Не в изокружок, не в политический,
Не в вокально-музыкально-
драматический...
Лишь фонарь зажёжется

электрический,
Он идёт походкой лунатической
К танцплощадке с тягой
магнетической,
И он входит в круг её магический,
Нет, не вальс, то бурный,
то лирический,
И не краковяк лихой

классический —
Под любой рисунок мелодический
Он фокстрот танцует механический.
Вот и весь досуг его типический
Чуть не ежедневный!

Канонический!
Танец нескончаемый, хронический,
Вроде этой рифмы дактилической!..

Толку что? Домой придёт усталый,
Нужен ли досуг ему такой?..
А ведь Боря Н. — способный малый,
Парень неплохой он — вкус

плохой!..
Глупый вкус — ну, просто, как
для смеха, —

Борю б этим надо укорить,
Но к тому имеется помеха:
Очень трудно с Борей говорить!..

Язык не иностранный,
Но всё же очень странный.
У Бори нет словечка простого
за душой.

Не скажет он: «Пройдёмся...»
А скажет: «Прощвырнёмся».
Не скажет: «Хорошо, мол»,

а скажет: «На большой!»
Он на язык дикарский,
Жаргонно-тарабарский
Так переводит фразу «Я завтра
позвоню»:

«До вас я утром звякну,
Не звякну — в полдень брякну,
А нет, так перебрякну,
дозвяжусь на дню!»

Он выбрал специально
Два слова максимально
И с ними проявляет
В беседе мастерство.
«Как жизнь идёт?»

«Нормально!»
«Семья живёт?»

«Нормально!»
«Успехи как?»

«Нормально!»
«Здоровье?»

«Мирово!»
Два слова он реально
Использует повально
Вполне универсально
буквально
для всего:

«Влюбился, брат?»
«Нормально!»

«Женился, брат?»
«Нормально!»

«А что это «нормально?»
«Нормально? Мирово!»

Привычно скажет Боря:
О вкусах, мол, не спорят!
Понравится, любим, мол,
жаргоном увлекусь!..

Нет, спор у нас упорный,
А борин вкус — бесспорный
Нормально-ненормальный,
дурной

и глупый вкус!
По вечерам на улицах полно
И юношей и девушек, бегущих
В театры, на концерты и в кино...
Живущих в нашей жизни!

В самой гуще...
Так для чего ж мы взяли
исключение

И Борю Н. рисуем почему?
А потому, что лучший путь
лечения —

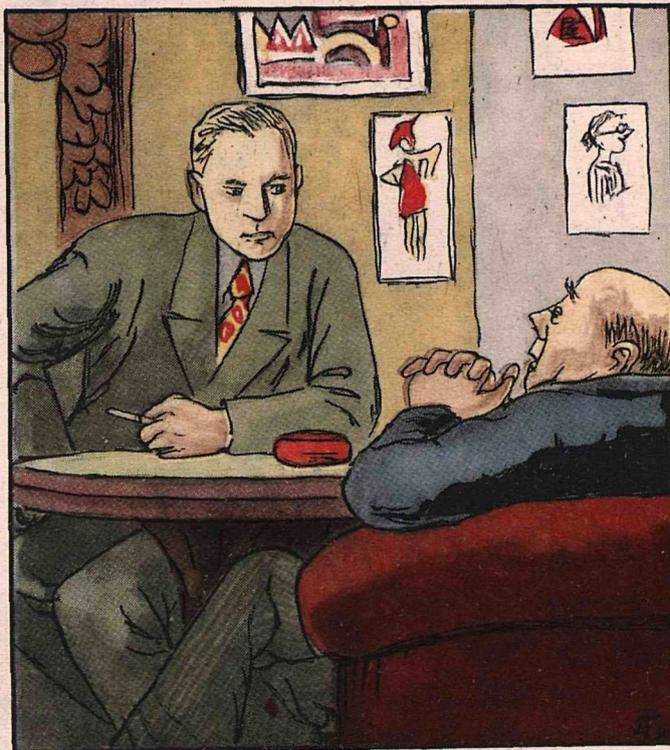
Критический подход и привлечение
Внимания товарищей к нему.
Досуг его... Он должен стать
нормальным!

И вкус его... Он должен быть
иным!

Смешно быть исключением
печальным!

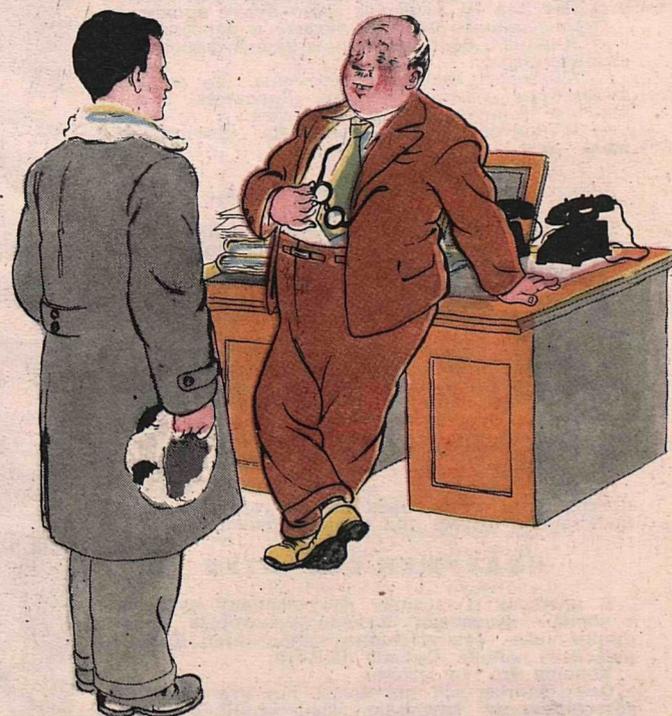
Печально в наше время быть
смешным!

Рис. Л. ГЕНЧА

— Как у вас обстоит дело с комедиями?
— Просто трагедия!

Рис. Д. ЦИНОВСКОГО

— Поступило много жалоб на плохое состоя-
ние загсов. Когда вы там были в последний раз?
— В 1930 году, когда регистрировал брак с соб-
ственной женой.

ЛрицКова (внука)

РАБОТНИКАМ ИСКУССТВ

Эффектами сценической техники тоже можно ошеломить зрителя. Но подумай, что же тогда делать актёру.

Дотация и зритель — две противоположности. Кого любит зритель, того обходит дотация. И наоборот.

Запомни: легковесную пьесу и ста режиссёрам не поднять.

Даже наследуя уважаемую фамилию, имя наживай сам.

Дерзай!

Отдавай, художник, дань фотографам, но вспоминай иногда, что в мире есть и натура.

Если не ищешь жадно и страстно, не криви душой, что любишь искусство.

ШАПОЧНОЕ ЗНАКОМСТВО

Рис. Ю. УЗБЯКОВА

То ни на одну голову не лезут...

... то на все сразу.

НА ЖИВУЮ НИТКУ

Напрасно злые языки утверждают, что Брестская областная контора «Сельэлектро», возглавляемая Марьей Фёдоровной Алексеевой, нарушила договор по электрификации Пошукковского и Новицковичского сельсоветов. Ничего подобного! Договор выполнен, и совсем с небольшим опозданием — всего лишь на тринадцать месяцев. И даже денюжки за работу получены сполна. Правда, положение с электросветом в этих сельсоветах осталось таким же, как, скажем, полтора или два года назад, с той лишь разницей, что рядом с керосиновой лампой висит

бездействующая электрическая. Но это нисколько не смущает Марью Фёдоровну. Какое ей дело, что работы проведены с нарушением элементарных технических и противопожарных правил и поэтому электричество давать нельзя! Договор выполнен, денюжки получены, и больше тов. Алексеева знать ничего не хочет. Она считает, что сделала всё.

Не смеем возражать Марье Фёдоровне. Она, действительно, сделала всё, чтобы лишить света ряд деревень.

НЕДОСТРОЙКОНТОРА

Рабочий посёлок Фирово, Калининской области. На брёвнах возле недостроенного здания сидят два мальчугана и толкуют о делах строительных:

— Мама раньше всё время говорила, что эти ясли строятся для меня, а теперь у нас уже Вовочка народился, и они, наверно, выстроятся для него, а я уже слишком большой...

— А я помню, когда начали строить Дом культуры. Совсем маленький был, а помню. А папа говорит, что когда Дом культуры достроят, меня уже как раз на вечернее кино будут пускать...

Строительную тему обсуждают и взрослые:

— Никаких, брат, перемен в нашей фировской стройконторе!

— Наоборот. Большие перемены. То и дело директоров меняют. Сперва Красавин, потом Мискевич, потом Михайлов, потом...

— В конторе-то перемены! На стройке их, жаль, нет!

ЗВОНИТЬ НЕКОГДА...

В Маркакольском районе, Восточно-Казахстанской области, сотрудники районных учреждений не любят пользоваться телефоном.

— Непременно звонить, — говорят они, — лучше сбежать.

И в колхозах тоже стараются экономить время:

— Непременно звонить, лучше съездить...

К самой телефонной технике у абонентов претензий нет. Но к областному управлению связи и к его начальнику тов. Важену претензий много. Два года безмолвствует новый коммутатор. Старым же обходиться мудрено: на одной линии вдруг заговорят четыре голоса сразу, и даже сам себя плохо слышишь.

Поэтому абоненты вынуждены со своими претензиями обратиться не по телефону, а в письменной форме при нашем посредстве.

ИЗДЕРЖКИ САБАНТУЯ

В молодых колхозных лесопосадках рубят и с корнем вырывают деревья некоторые предпримчивые ответственные работники Дробышевского района, Омской области.

Хорошо это или плохо? Оказывается, всё чин-чином. Вот что сообщил возмущённому читателю заведующий отделом писем «Омской правды» тов. Борбат:

«Незаконная вырубка деревьев для сабантуя, а также выкопка тополей из полезачитных лесных полос местными районными организациями признаны безвредными, а поэтому остались без судебного вмешательства».

Хорошо или плохо работает отдел писем «Омской правды»? Оказывается, плохо.

Рис. И. ПРОСКУРЯКОВА

Красновский опытно-показательный леспромхоз Архангельской области перевыполнил план лесозаготовок, но отстает с вывозкой леса.

— Под этими брёвнами мы и зазимуем спокойно. Ручаюсь, раньше весны лесозаготовители их не вывезут!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Шахта «Тайбинская» Киселёвского рудника находится в Кузбассе, а не «в песчаных степях Аравийской земли». Тем не менее шахтинцы вынуждены воздерживаться от пользования таким распространённым предметом ширпотреба, как вода. За этой жидкостью приходится ездить из шахтинского посёлка в город. Дорога туда дальняя, при плохой погоде почти непреодолимая для автомашин. Бывает, что шахтинцы по двое суток остаются без привозной воды.

Нельзя сказать, что директор шахты тов. Приходько и его заместитель тов. Ерин отказываются «принимать меры». Нет, они не против того, чтобы подвести к шахте городской водопровод или пробурить в шахте до водоносного слоя две скважины. Но эти и прочие вполне осуществимые мероприятия всё ещё лишь «вилами на воде писаны». И жаждущие шахтинцы недоумевают: откуда же взялась в шахте вода, чтобы писать вилами по воде?

Ф. ТОРОПОВА

г. Киселёвск.

Уважаемый Крокодил!

Иногда необдуманные поступки влекут за собой совсем неожиданные последствия. Примером может служить следующий факт.

Как-то председатель колхоза имени Хрущёва Шутиков решил постричься. Сам по себе случай не из ряда вон выходящий. Всякий человек, кроме безнадежно лысых, стрижётся, когда в этом есть необходимость. Но далеко не во всяком случается то, что произошло с Шутиковым, который имел неосторожность прибегнуть к услугам парикмахерской Хомутовского райпромкомбината.

В целях справедливости нужно отметить, что там его обслужили аккуратно, быстро и даже попрыскали одеколоном. Клиент покинул парикмахерскую в самом радужном настроении. Но на беду на улице он совершенно случайно встретился с директором промкомбината.

— От вас пахнет одеколоном, вы были в моей парикмахерской, — категорически заявил он. — Предъявите квитанцию об уплате денег. Почему в ней указана только одна стрижка? А где деньги за бритёй?..

Сколько ни доказывал Шутиков, что он не брился, ничего не помогло. Неумолимый Морозов отвёл председателя колхоза в милицию. Там после двухчасового допроса выясни-

лось, что промкомбинатовская бритва действительно не касалась щёк Шутикова, и его отпустили на все четыре стороны.

Так постригся с приводом председатель колхоза Шутиков.

Г. КОСЕНКО,
редактор районной
газеты «Коммуна»

Хомутовский район,
Курской обл.

Товарищ Крокодил!

Недавно мы получили после капитального ремонта на Первом московском авторемонтном заводе грузовик «ГАЗ АА». Поскольку мы не находили слов, чтоб дать надлежащую оценку качеству ремонта, вместо нас стал выражаться сам автомобиль: при движении он так визжал и трещал, что прохожие в испуге шарахались в сторону. Но грузовику показало этого мало, и... сначала отлетела ручка кабины, затем отвалился глушитель, а из вентилятора выскочил подшипник.

Не прошло и трёх недель, как у грузовика лопнул коленчатый вал, а у нас лопнуло терпение, и мы решили написать тебе, чтобы выяснить, кому именно мы обязаны столь высоким качеством ремонта.

КАЛАШНИКОВА,
главный врач
туберкулёзного санатория
ПАНКОВА,
секретарь
парторганизации санатория
ст. Второво,
Владимирской обл.

Уважаемый Крокодил!

Наконец изобретено верное средство против курения. Изобрели его, как это ни странно, некоторые фабрики табачных изделий.

В нашем черниговском райпотребсоюзе накопились тысячи коробок таких «Казбеков» и «Катюш», изготовленных Львовской фабрикой. Магазины не берут их, курильщики не курят, так как папиросы набиты смесью табака с мусором, а запорожская база придерживает хорошие папиросы, тщетно пытаясь сбыть с рук замусоренные.

Вот и приходится не папиросы курить, а воскуривать фишам изобретателям такого средства против курения.

В. КЛОЧЕНКО

с. Черниговка
Запорожской обл.

Товарищ Крокодил!

Не знаю, как где, но в нашей области массовая работа добровольного общества «Досарм» заслуживает твоего внимания. Недавно заместитель председателя областного комитета общества тов. Кочура разослал всем районным комитетам партии письмо. Тов. Кочура был тревогу по поводу того, что в колхозах создано всего ... первичных организаций. Из ... членов общества обменяло членские билеты ... человек.

Одним словом, в этом письме получилось, как в песне: «В каждой строчке только точки». Но зато нам не было нужды повторять дальше слова из песни: «И кто его знает, на что намекает». Мы отлично знаем, на что намекает тов. Кочура. Думаю, и тебе не надо распространяться насчёт его бездеятельности и беспомощности.

А. ХЕРУВИМОВ,
секретарь РК ВКП(б)

с. Петропавловка,
Воронежской обл.

Дорогой Крокодил!

Газета «Ставропольская правда» напечатала заметку об ошибках в газете «Пятигорская правда» под резким заголовком: «Безграмотная редакция».

Но, как говорится, не отходя от наборной кассы, «Ставропольская правда» сама продемонстрировала образцы «безошибочной» работы. Так, например, изобретение работника Министерства сельского хозяйства СССР тов. Фролова газета приписала изумлённому инженеру краевого управления сельского хозяйства тов. Фролову. Дескать, неважно, кто изобрёл, лишь бы фамилии совпадали.

Зато в заметке о первенстве СССР по шахматам фамилии, наоборот, не совпадают: мастер Константинопольский переименован в Константин Польшкого, а вместо гротмейстера Кереса появился гротмейстер Херес.

Спрашивается, какой заголовок нужно дать заметке об ошибках в газете «Ставропольская правда»?

Н. КУБАНСКИЙ

г. Ставрополь.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

◆ Группа читателей Крокодила написала в редакцию о недобросовестной работе зубного врача Колемасова на Алапаевском асбестовом руднике. Свердловский облздравотдел проверил письмо читателей и объявил врачу Колемасову строгий выговор с предупреждением.

* * *

◆ Крокодилу стало известно, что отдельные руководящие работники Дятьковского района, Брянской области, злоупотребляли своим служебным положением и нарушали Устав сельхозартеля. По сигналу Крокодила председатель Дятьковского исполкома горсовета Пешехонов от работы освобождён. Дело о других нарушителях Устава сельхозартеля передано в областную прокуратуру для привлечения виновных к ответственности.

* * *

◆ Директор Матвеево-Курганского птицеводхоза № 5 Лобанов занимал критику. По письму читателя Крокодила ростовский обком ВКП(б) наложил на Лобанова строгое партийное взыскание, и он освобождён от должности директора птицеводхоза.

* * *

◆ Крокодилу сообщили о незаконных действиях прокурора Лиепайского района, Латвийской ССР, Остеля.

После произведённой генеральным прокурором Союза ССР проверки Остель снят с должности районного прокурора.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Уважаемые товарищи!

В фельетоне «Блуждающие звёзды», опубликованном в № 15 журнала, написано, что якобы я отказался выступить у солдат воинской части и запросил за своё выступление 5 тысяч рублей.

Считаю необходимым разъяснить, что разговоры с представителем упомянутой воинской части действительно происходили. Но отказ от выступления был вызван тем обстоятельством, что бригада, с которой я выступал, из этого города уже должна была выехать и времени для выступления не было. Что же касается 5 тысяч рублей, то это была сообщена товарищам из воинской части лимитная стоимость, полагающаяся за выступление всей бригады, а отнюдь не мой личный «запрос», продиктованный рваческими тенденциями.

Видимо, товарищи неправильно поняли это, чем и ввели редакцию и читателей Крокодила в заблуждение.

Должен сообщить также, что на все концерты нашей бригады по нашей просьбе было выделено соответствующее количество бесплатных билетов для всех воинских частей гарнизона.

Народный артист РСФСР
Борис АНДРЕЕВ

В разработке тем к рисункам этого номера принимали участие: А. Баженов, М. Вайсборд, В. Васильев, Я. Дымской, А. Зубов, В. Кулагин, Р. Магусевич, Ю. Узбяков, Ю. Фёдоров, А. Чикарьков.
Оформление номера В. Коновалова.

В СТРАНЕ ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА

Рис. Бор. ЕФИМОВА

Бор. Ефимов - 50.

К секретному совещанию Макартура с представителями японских политических партий.

Рис. Ю. ГАНФА

Очередные передачи военным преступникам в Японии.

ЮГ '50